

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.31029/vestdnc74/4

УДК 94(470.67)»17/8»

НОГАЙСКО-КАЛМЫЦКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ 20-х гг. XVIII в.

Д. С. Кидирниязов, ORCID: 0000-0002-9511-9092

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

В статье на основе анализа архивных материалов и научной литературы рассматривается значение ногайско-калмыцких отношений в российско-турецких и российско-иранских взаимоотношениях исследуемого периода. Раскрываются стратегические замыслы России, Порты и ее вассала Крымского ханства в отношении Северного Кавказа, анализируются методы их реализации. Кроме того, уделяется внимание выявлению факторов, определивших ориентацию местных народов на Россию.

Based on the analysis of archival materials and scientific literature, the article considers the importance of Nogai-Kalmyk relations in the Russian-Turkish and Russian-Iranian relations of the period under study. The article reveals the strategic plans of Russia, Porte and its vassal of the Crimean khanate in relation to the North Caucasus, analyzes the methods of their implementation. In addition, attention is paid to identifying the factors that determined the orientation of local peoples to Russia.

Ключевые слова: Россия, Порта, Персия, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье, Крым, ногайцы, калмыки, казаки, взаимоотношения.

Keywords: Russia, Ports, Persia, North Caucasus, Lower Volga region, Crimea, Nogais, Kalmyks, Cossacks, relations.

Как известно, в 1634–1635 гг. под натиском калмыков-ойратов Большие Ногаи перешли на правый берег Волги и объединились с Малыми Ногаями и вошли в вассалитет по отношению к Крымскому ханству. Известный отечественный исследователь середины XX в. А.А. Новосельский писал, что «присоединение двух ногайских Орд к Крыму меняло соотношение сил на юге России и сопровождалось тягостными последствиями как для России, так и для Кабарды (а точнее для всего Северного Кавказа)» [1, с. 241]. Однако в 1636 г. и Малые Ногаи, и Большие Ногаи были переведены крымским правителем в правобережье Дона с целью вывести их из-под влияния турецкой администрации в Азове. Таким образом, «степные пространства между Волгой и Доном опустели» [2, с. 192].

Весной 1642 г. турецкий посол Мустафа Чилибей предъявил России ультиматум Порты с требованием освобождения крепости Азов. Необходимо указать, что у Москвы был запасной вариант, рассчитанный на сохранение политического преимущества России. Земский собор еще в начале 1641 г. постановил не вступаться за Азов. Это решение вошло в силу после ультиматума османского правительства.

Летом 1642 г. турецкие войска без боя взяли крепость Азов, а к июлю 1643 г. захватили ряд донских городков: Маныч, Яр, Черкасский и др.

На помощь туркам против донцов в 1643–1646 гг. пришли азовские и крымские татары, ногайцы и темрюкские адыги [3, с. 175]. Возможно, поход в 1644 г. калмыцкого

правителя Хо-Орлюка на Малые Ногаи был связан с необходимостью оказания помощи донским казакам [4, л. 29]. В этот период крымцы организовали ряд крупных походов на южные рубежи России [5, с. 196]. Между тем в 1647 г. Тери подвергся осаде со стороны калмыцких войск под руководством Даян-Ерке, однако гарнизон Терского города справился с неприятелем благодаря тому, что ногайские и кабардинские владельцы объединенными силами разгромили шедшего на соединение с осаждавшимися город отрядами калмыцкого правителя Хо-Орлюка [6, с. 29–30]. В сражении погибло немало калмыков, в том числе тайша (правитель) Хо-Орлюк и его 2 сына. Кроме того, в плен попала 1 тыс. человек [7, с. 291–292].

После крупного поражения и смерти калмыцкого правителя Хо-Орлюка тайшой стал сын последнего – Дайчин. Летом 1647 г. началась активная подготовка калмыков в поход на Крым. В ходе военной экспедиции намечалось вернуть владение Урмаметова из Большого Ногай в российское подданство, затем совместно с донскими казаками организовать поход на Крымский полуостров. Необходимо указать, что донцы отказались участвовать в этом мероприятии, но заключили с калмыцким тайшой договор о беспрепятственном пропуске войск через Дон. Кроме того, была достигнута договоренность о совместных действиях при обороне и наступлении против крымских татар и ногайцев [8, с. 7].

Между тем в середине 40-х гг. XVII в. несколько ногайских мурз Большого Ногай уходят из-под Астрахани к Тереку, в Кумыкскую плоскость и Тарковское шамхальство [1, с. 361].

Российская администрация настойчиво требовала от владельцев Большого Ногай возвращения к Астрахани. Однако ногайцы, поселившись по Тереку, вступали в дружественные отношения с кумыками, адыгами и другими северокавказскими народами [9, ф. 115, оп. 1, кн. 1. 1646 г., л. 241–242, 250–255, 266–267, 294–328]. Естественно, нежелание такого мощного объединения Больших Ногаев с Малыми Ногаями и другими местными народами вынуждало российское правительство настаивать на возвращении Большого Ногай к Астрахани.

Следует отметить, что осенью 1649 г. на Волгу к калмыкам прибыли представители донских казаков с предложением выступить сообща против крымского хана. На предложение донцов о помощи калмыки прибыли на Дон и ждали выступления в совместное мероприятие на Азов и на Крымский полуостров. Однако после примирения донцов с османами, когда к ним прибыли султанские послы, мероприятие было отменено [10, кн. 3. – 1022 стб., с. 800, 830, 840, 1913; кн. 4. – 1012 стб., с. 4, 279.].

Выше отмечалось, что в 30–40-х гг. XVII в. в Нижнем Поволжье появились калмыки-ойраты. В отражении набегов калмыцких войск участвовали многие народы края. Так, в начале 1644 г. воинские силы калмыков-ойратов переходят р. Волгу и продвигаются на юго-запад. Часть калмыцкого войска подошла к Теркам, а основные их силы перешли р. Терек и вступили на территорию Кабарды. Здесь против них объединяются ногайцы, кабардинцы и российское войско в регионе, которое располагалось в Терском городе [9, ф. 115, оп. 1. 1644 г., кн. 1, л. 154]. Совместные силы местных народов и русских разбили калмыцкое войско. Об этом в Москву докладывал терский воевода М. Волынский: «Кабардинские и ногайские мурзы с ратными своими людьми калмыцких людей побили. А убили-де, государь, у калмыцких людей начальных их людей большово Урлюка-тайсу, да детей его Гирейсана-тайсу да Иргентень-тайсу..., да в полон в языцах взяли живых двух тайс..., а с ними в языцах калмыцких и етисанских людей взяли больше тысячи человек. А было-де с теми тайсами калмыцких людей и етисанских янбуйлутцких (джембойлукских. – Д.К.) мурз и улусных их воинских людей 10 500 человек, а ушли-

де, государь, с того бою от Черкас и от Малово Ногаю тысячи с полтора или з две врозь пеши, а лошади и животину всю у них отбили кабардинские и Малово Ногаю улусные люди» [9, ф. 115, оп. 1. 1644 г., кн. 1, л. 154].

Появление калмыцких войск, представляющих большую опасность для охваченного междоусобицей регион, оставило немалый след в сознании местных народов. Так, в 1645 г. оказалось достаточным одного слуха об ожидаемом новом походе калмыцких войск из-за Волги, как многие владетели Большого Ногая, жившие под Астраханью, вынуждены были уйти частью к Азову, частью в Засулакскую Кумыкию за Аксай и Койсу, под Тарки. Здесь ногайские мурзы вступают в дружественные отношения с кумыкскими и кабардинскими князьями, чего так опасались российские власти, болезненно следившие за ростом политических амбиций северокавказских владетелей [1, с. 326].

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении нескольких веков местные народы вели совместную борьбу против внешних врагов, что отвечало их общим интересам. Взаимоотношения различных народов в изучаемый период развивались в обстановке противостояния Российского государства султанской Порты и ее вассалу – Крымскому ханству. В связи с этим Россия, вмешиваясь в междоусобицы местных владетельных группировок, использовала их в своих интересах [11, с. 134].

Выше уже отмечалось, что в середине 1645 г. несколько владетелей Большого Ногая в связи с известиями о новом переселении калмыков уходит из-под Астрахани на Терек и поселяется в кумыкских владениях Терско-Сулакского междуречья. Часть ногайцев оседает во владениях эндириевского князя Казаналпа, а другая поселилась в Тарках. Следует указать, что мощная миграция ногайцев из-под Астрахани сильно ослабила оборону города. Боевая мощь владетелей Северного Кавказа, граничивших с русскими станицами в низовьях Терека, резко возросла. Российская администрация не раз пыталась склонить ногайцев возвратиться обратно на Волгу, но безуспешно. На этой почве даже в 1645–1646 гг. происходит ряд военных столкновений русских отрядов, сопровождавших русских послов к тарковскому шамхалу, с местным населением с. Тарки [12, с. 360–361].

Стремясь компенсировать отток части ногайцев из-под Астрахани в Дагестан, российские власти пытаются «уговорить» через посредников – кабардинских князей, мурз Малого Ногая, «чтоб они от крымского царя отстали» и переселились к союзной Москве Кабарде. В 1647 г. часть ногайцев откликнулась на эти предложения и переходят на постоянное жительство к кабардинцам и отправляют свое посольство в Москву [13, с. 84–87].

Между тем приблизительно в этот же период, в 1649–1650 гг. из-под Астрахани переселился в Терско-Сулакское междуречье еще один влиятельный ногайский владетель – Чебан-мурза со своими подданными, который, таким образом, также стал «царскому величеству непослушен». Чебан-мурза поселился в Кумыкской равнине между реками Койсу и Аксай [14, с. 96], усилив тем самым и без того мощные силы кумыкских правителей.

Следует указать, что во время Крестьянской войны во главе со Степаном Разиным часть ногайцев, численностью до 15 тыс. семей вынуждена была бежать из калмыцких улусов под Астрахань, но на них напали жители Малого Ногая и увели с собой на Кубань, во владения крымского хана. В ответ на это калмыцкий правитель Аюка двинулся со своими отрядами через Большую Кабарду к верховьям Кубани, нанеся ряд поражений Малому Ногаю, а бежавших из-под Астрахани ногайцев увел обратно в Нижнее Поволжье. Калмыцкому правителю Аюке в этой военной экспедиции помогал со своим войском пророссийски настроенный кабардинский владетель К. Черкасский [15, с. 87–88].

Зимой 1671 г. около 15 тыс. семей едисанских ногайцев под давлением калмыков-ойратов вновь переселяются под Астрахань. Вероятно, это были те ногайцы, с которыми Степан Разин заключил в начале осени 1670 г. дружественный договор [16, с. 95, 100–101].

Однако в ситуацию вмешивается крымский хан. По указу Бахчисарая ногайский владетель Ямгурчи, живший со своим владением в Правобережье Терека, весной 1671 г. с «горскими чеченами и крымцами пошел под Астрахань и напал на тех джетысанских татар». Едисанские ногайцы вновь были уведены на Кубань [7; 17, с. 27–28].

Между тем ногайский мурза Каракасай при поддержке крымских войск, пользуясь отсутствием в Терском городе отрядов кабардинского князя К. Черкасского, действовавших в Нижнем Поволжье против повстанцев, летом 1672 г. напал на его владения и держал некоторое время Терский город в осадном положении, «за город вытти не мочно» [18, с. 47]. Вероятно, что причиной нападения на владения адыгского владетеля было то, что Касболат Черкасский поддерживал калмыцкого правителя Аюку, который, пройдя со своим отрядом через Большую Кабарду, поднялся к верховьям Кубани, по пути разгромив ряд владений Малого Ногай и бежавших из-под Астрахани ногайцев уводит обратно с собой под Астрахань [19, с. 152].

Следует отметить, что все эти успешные действия крымских татар и ногайцев в крае, можно объяснить тем, что в это время юг России был отрезан Крестьянской войной во главе С. Разина и российские власти не могли проявлять на Северном Кавказе активное свое присутствие. Только в 1672 г. крымский хан получил письмо от российского правительства с претензиями за походы на Кабарду и военные операции на Тереке.

В ответ на упрёки российских властей Бахчисарай прислал письменное послание, что «черкасы и ногайцы искони до нынешнего дня под нашим повелением, наши подданные» [20, с. 339–340].

Летом 1673 г. кабардинский владетель К. Черкасский вместе с калмыцким тайшой Аюкой и объединенным войском, состоявшим из терских служилых людей и калмыков, пошли «на горского владельца на Чеполава да на ногайского Каракасай мурзу... и в том походе у тех мурз многих людей побили и животинные стада отогнали» [21, с. 248]. Эти действия следует рассматривать как наказание Москвой северокавказских правителей, осмелившихся посягнуть на безопасность русской крепости на Тереке.

В 1673 г. в Большой Кабарде с новой силой вспыхивает междоусобная война. Сторонники турецко-крымской ориентации мстили за разорение своего ближайшего союзника ногайского мурзы Каракасай. В ответ отряды ногайского мурзы организовано напали на владения К. Черкасского, в результате чего последние были разорены [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 47, л. 212].

Если в 1672–1673 гг. кабардинский владетель К. Черкасский и калмыцкий тайша Аюка действовали в степях Крымского полуострова, то в конце лета 1674 г. они договорились с совместным терско-калмыцким войском выступить против османской крепости Азов. Совместное терско-калмыцкое войско, проведя успешные военные операции под Азовом, вплоть до разгрома его пригородов, отошло к Черкасску, главному городу донского казачества [20, с. 335–337].

Между тем в 1672 г. османы нанесли поражение Речи Посполитой, и с этого времени основной задачей внешнеполитического ведомства России становится борьба с османской Портой. А после перехода украинского гетмана Дорошенко в турецкое подданство османы заявили о своих претензиях на всю Украину [23, с. 112–113].

Летом 1674 г. по указанию Москвы К. Черкасский занялся организацией похода в Приазовье. Калмыцкий правитель Аюка выделил под командование кабардинского князя 7 тыс. воинов-калмыков [20, с. 337]. В военном мероприятии участвовали кроме адыгов и калмыков также и донские казаки численностью до 3 тыс. человек [9, ф. 119, кн. 3. 1674 г., л. 184]. Этот объединенный поход для них был успешным [9, л. 182].

Следует отметить, что русско-турецкая война 1676–1681 гг. являлась одним из важных этапов борьбы Российского государства против османской Порты, начавшей ее с целью завоевания Украины.

В 1676 г. российское правительство вновь поручает князю Касболату Черкасскому двинуться совместно с калмыками к Киеву на помощь запорожцам. Запорожские казаки в этот период вели ожесточенные бои против турецко-крымских войск. Объединенный отряд во главе с Касболатом Черкасским, куда входили русские, кабардинцы, ногайцы, калмыки, ингуши, кумыки и др., показал себя огромной силой, наводивший страх на турок и крымцев [9, стб. 1157. л. 455–477; стб. 1464. л. 75–77].

Между тем в период русско-турецкой войны 1676–1681 гг., летом 1677 г., 100 тыс. османское войско во главе с Ибрагим-пашой вторглось на территорию Правобережной Украины и осадило в августе г. Чигирин. В сражении под Чигирином вместе с донцами участвовали и калмыцкие отряды во главе адыгского владетеля К. Муцаловича Черкасского [24, с. 194].

Русско-турецкая война закончилась заключением в начале 1681 г. Бахчисарайского трактата, по которому османский правитель признал воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией, а запорожских казаков – российскими подданными [25, с. 355].

Между тем в 1707 г. близ Терека появились калмыцкие отряды. Чеченцы совместно с ногайцами и кумыками выступили против калмыков – ойратов, но те успели перекочевать к Волге [26, с. 371].

Российское правительство не собиралось уступать никому этот важный в стратегическом отношении край, который обеспечивал безопасность южнороссийских границ. Кроме того, Северный Кавказ служил надежным плацдармом для связи с народами Южного Кавказа. А укрепление своих позиций в Дагестане открывало возможность для Москвы контролировать всю европейскую торговлю со странами Ближнего и Среднего Востока. Не случайно царь Петр I еще в 1700 г. дал поручение астраханскому воеводе Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения» с Дагестаном [27, № 47]. Одновременно российские власти, учитывая осложнившуюся обстановку в связи с тем, что Порты «начинает помышление о войне», запросили азовского губернатора узнать, «похотят ли они (северокавказские народы. – Д.К.) с нами заодно быть» [28, с. 408].

Следует отметить, что утверждение османской Порты на Северном Кавказе, в частности в Прикаспии, не только ослабило бы сильно позиции России, но и создало бы реальную угрозу ее юго-восточным границам. Поэтому совершенно очевидно, что основной целью Каспийского похода было предотвратить овладение османами Южного Кавказа и Западного Прикаспия. К тому же в планах России Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Петербург с присоединением Прикаспийских областей надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность страны [29, с. 123].

Российское правительство, в полной мере оценивавшее важность Северного Кавказа в борьбе с османской Турцией и разваливавшейся шахской Персией, несмотря на занятость подготовкой к Прутскому походу, нашло возможность направить 10-тысячный корпус в регион, тем самым продемонстрировав нарастающую военную мощь страны.

Для усиления влияния России на Северном Кавказе в июле 1711 г. в Дагестан и Кабарду был направлен адыгский князь А. Бекович-Черкасский, находившийся на российской службе. Необходимо подчеркнуть, что основной целью миссии кабардинского князя было помешать враждебным действиям кубанских владетелей, подданных турецкого султана [15, с. 122–123].

По пути следования на Северный Кавказ князь А. Черкасский побывал у калмыцкого тайши Аюки и вел с ним переговоры об участии калмыков в военных мероприятиях против кубанцев [30, с. 66]. Кроме того, прибыв на Северный Кавказ, А. Бекович-Черкасский обратился к местному населению с призывом объединения в борьбе против турок и Крыма [9, ф. 115, оп. 1, д. 1. 1711 г., л. 2–3]. В частности, в своем обращении, напомнив северокавказским владетелям об их многочисленных жалобах на Турцию и ее вассала – Крымского ханства, а также об обещании русского царя Петра I защитить их от недругов, посоветовал: «... вам надлежит к себе таковую его царского величества милость, в начале показати к нему, великому государю, свою службу и, собрав войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск» [20, с. 4–5].

О прорусской ориентации населения края красноречиво говорит тот факт, что летом 1711 г. представители северокавказских народов вместе с российскими войсками участвовали в военных операциях на Кубань против крымских войск [25, с. 408].

В августе 1711 г. совместный отряд северокавказцев под руководством князя А. Черкасского встретился в бою на Кубани с 15 тыс. войском крымского царевича Нурадина. Для местных народов это сражение закончилось успешно. После этой битвы отряд А. Черкасского углубился в Закубанье [31, с. 118–120]. Здесь адыгский князь ждал вестей от казанского губернатора П.М. Апраксина, под руководством которого совместно действовали отряды казаков и калмыков. Князь А. Черкасский хотел договориться с П. Апраксиным о совместных действиях. По замыслам адыгского князя, казанский губернатор должен был нанести удар по крымским войскам с северо-востока [9, ф. 115, оп. 1, д. 1. 1711 г., л. 2–3]. Однако П. Апраксин не выполнил данного обещания и повернул обратно.

Как известно, Каспийский поход проходил в рамках Персидской военной кампании. В начале XVIII в. шахский Иран пребывал в глубоком кризисе и был не в силах контролировать основную часть своих провинций, на которые претендовала Порта [32, с. 193]. Возможная османская экспансия в районе Прикаспия вызвала серьезную тревогу российского правительства, так как это явно обостряло обстановку на южных рубежах России [33, с. 141]. Вероятнее наступление османов в Прикаспие и укрепление позиций на Северном Кавказе могли серьезно осложнить безопасность границ на юге Российской империи [11, с. 197].

Российский император Петр I при встрече с калмыцким тайшой Аюкой в июне 1722 г. в Саратове просил у последнего для участия в Каспийском походе до 10 тыс. конницы. Аюка обещал дать вдвое меньше, до 5 тысяч. Отказ калмыцкого правителя в предоставлении большого количества конницы, возможно, был связан с падежом табунов в зимний период [31, с. 65, 67].

Вскоре калмыцкий тайша дал указание 5 тыс. калмыцкой коннице двигаться на соединение с российскими войсками в районе Терского города [34, с. 95]. Однако, по данным В.М. Бакунина, по указу Петра I было велено направить калмыцкую 7 тыс. конницу. Также в указе царя подчеркивалось, чтобы в ее составе не было ногайцев, поскольку

военные действия предполагались против единоверцев-мусульман. Командовать калмыцким войском было поручено внуку Аюки Бату Чакдоржапову [35, с. 37].

Во время движения калмыцкой конницы в Дагестан войсковой переводчик В. Бакунин узнал, что среди калмыцкого войска находится кубанской ногаец Хасмагомет Тенгизбаев, переодетый для маскировки в национальную одежду калмыков. В. Бакунин лично участвовал в аресте Х. Тенгизбаева и позже конвоировал последнего в ст. Курдюковскую в низовьях Терека. Следует отметить, что при допросе арестованного выяснилось, что у Б. Чакдоржапова имелось поручение от калмыцкого хана отправить ногайца Х. Тенгизбаева к кубанскому султану Бахты-Гирею с сообщением о начале продвижения русской армии на Северный Кавказ. Разумеется, это известие очень встревожило калмыцкого тайшу. Кубанский султан дал приказ Х. Тенгизбаеву немедленно возвратиться в калмыцкие владения и быть при детях Чакдоржапа, один из сыновей последнего должен был со временем возглавить калмыцкое войско. Х. Тенгизбаев выступил в роли эmissара между кубанским правителем Бахты-Гиреем и калмыцкими владельцами по Каспийскому походу. Но войсковому толмачу В. Бакунину удалось арестовать ногайца Хасмагомета и отправить последнего на допрос к начальству. Х. Тенгизбаев признался в содеянных действиях и вскоре под конвоем был этапирован в Астрахань, где после суда был посажен в тюрьму [5, с. 57].

Во время Каспийского похода аксаевский князь Султан-Махмуд обращался с жалобой в Петербург на калмыков: в период продвижения по территории Аксаевского владения калмыки захватили у него 5 тыс. овец, 100 быков [36, с. 194]. Кроме того, калмыки удерживали у себя ногайских мурз и 4500 семейств. Вскоре русская администрация распорядилась возвратить все захваченное имущество у аксаевского владельца [36, с. 43–44].

Необходимо указать, что кроме скота и недвижимости у аксаевского князя калмыки увели еще «аульных ево ногайцов 1000 дворов» [34, с. 48]. Согласно сообщениям переводчика при калмыцком войске В. Бакунина, калмыцкий владелец Б. Чакдоржапов дал приказ увести из Терско-Сулакского междуречья более 1 тыс. кундровских (астраханских) ногайцев, принявших подданство России. Когда калмыцкому тайше Аюке российская администрация в Астрахани направила письменное извещение о запрете подобных действий, то калмыцкий правитель прислал ответ, что Б. Чакдоржапов «учинил собою, да и в протчих таких делах, напредь того извинялся непослушанием ему» старшего сына Чакдоржапа [37, с. 37].

Позже кумыкский владелец Чепан Чепалов, брат аксаевского бия Султан-Махмуда, также присылал своего человека к калмыцкому тайше Аюке. Переговоры шли об освобождении ногайцев, уведенных в Нижнее Поволжье калмыками, в период Каспийского похода [37, с. 20]. Однако калмыцкий правитель отказался вернуть их. Тайша ответил, что эти ногайцы «издревле ево хана Аюки, и жили при них, владельцах, из своей воли» [29, с. 20].

Таким образом, в общем русле русско-северокавказских, русско-ногайских взаимоотношений, активным вовлечением региона в сферу геополитических интересов России имели место и ногайско-калмыцкие отношения в рассматриваемое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М; Л., 1948. 442 с.

2. *Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017. 400 с.
3. *Венков А.В.* Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М., 2009. 261 с.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Кабардинские дела. 1738 г. Оп. 1. Д. 2; 1739 г. Оп. 1. Д. 1.
5. *Янчевский Н.* Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930. 196 с.
6. *Максимов К.Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д, 2016. 584 с.
7. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000. 532 с.
8. *Бгажноков Б.Х.* Моздок в истории Кавказской войны// Кавказская война: события, факты, уроки : материалы Междунар. науч. конф. (г. Нальчик 15–19 октября 2014 г.). Нальчик, 2014. С. 5–8.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 115. Оп. 1. Кн. 1. 1646 г.; Оп. 1. Д. 1. 1711 г.; Ф. 119. Оп. 1. Кн. 3. 1674 г.; Ф. Разрядный приказ. Белгородские столбцы. Стб. 1157; Стб. 1464.
10. Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909; Кн. 4. СПб., 1913.
11. *Чекулаев Н.Д.* Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.). Махачкала, 2008. 212 с.
12. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1869. 548 с.
13. *Крикунова Е.О., Павлова И.М.* К истории взаимоотношений между Кабардою и другими народами Кавказа в XVII в. (документы) // Учен. зап. КБГУ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 77–112.
14. *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008. 432 с.
15. *Потто В.А.* Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. 235 с.
16. Крестьянская война под предводительством С. Разина : сб. док. М., 1959. Т. 2, ч. 2. 342 с.
17. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Черкесск, 1988. 232 с.
18. Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа / Документы XVII – XVIII вв. / сост. *Д.С. Кидирниязов.* Махачкала, 1998. 122 с.
19. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа XVI–XVII вв. Грозный, 1988. 176 с.
20. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : док. и материалы : в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.
21. *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. 352 с.
22. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47.
23. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2. 172 с.
24. *Броневский В.Б.* История Войска Донского, описание Донской земли, Кавказских Минеральных Вод. Ч. 1. СПб., 1834. 950 с.
25. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 544 с.
26. История Чечни. Грозный, 2008. Т. 1. 828 с.
27. Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 1869. 14 дек. № 147.
28. Письма и бумага императора Петра Великого. М., 1962. Т. 2, вып. 1. 458 с.
29. *Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К.* Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. Махачкала, 2003. 248 с.

30. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Р.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. 351 с.
31. История многовекового содружества. Нальчик, 2007. 720 с.
32. *Муртазаев А.О.* Противостояние уцмий Ахмед-хана политике Петра I в Дагестане в период Каспийского похода Петра I // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха : материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 192–198.
33. *Алиев Б.Г., Муртазаев А.О.* Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в. // Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008. С. 314–315.
34. *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1935. 153 с.
35. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории волжских калмыков. Ч. III–IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань: Калм. Обл. испол. ком-т, 1932. 391 с.
36. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : сб. док. / отв. ред. *В.Г. Гаджиев*. М.: Наука, 1988. 357 с.
37. *Тепкеев В.Т.* Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. // *Oriental Studies*, 2018. Vol. 37, Is. 3. С. 15–22.

*Поступила в редакцию 20.07.2019 г.
Принята к печати 26.09.2019 г.*